

Кельнский зодчий

Однажды его потребовал к себе высокопреосвященный Конрад, архиепископ кельнский.

От лестного предложения у зодчего дух в груди заняло, голова закружилась. Но в безмерной самонадеянности он ни минуты не задумался над ответом.

-- Берусь, владыка, -- сказал он с поклоном. -- А какой срок даете вы мне на изготовление плана?

-- От сего дня и часа годичный срок. Тем временем соберутся и деньги, подвезут материал. Это -- моя забота. Твое дело пока -- план. Так что же, сын мой, берешься?

-- Берусь, -- повторил зодчий.

Приняв благословение святителя, он с победоносным видом пошел восвояси.

Итак, заветная мечта его сбывалась: он мог создать теперь на общее удивление нечто небывалое по величию, красоте и блеску. Ничто другое не должно было вперед отвлекать его от великого дела. И, отказавшись от всяких других, самых выгодных работ, он весь отдался этому единственному делу.

Наяву и во сне мерещился ему новый собор. Но над ним тяготела точно какая-то враждебная сила: то, что так ярко и отчетливо рисовалось перед его духовным взором, тотчас расплывалось в воздухе обманчивым маревом, как только он брался за карандаш и бумагу. Тогда он напрягал всю свою память, чтобы насильно вызвать опять перед собою забытое. Отчасти ему это, действительно, удавалось, и в конце концов, после многих переделок, из-под умелой руки его выходило нечто очень красивое, даже величественное. Но самого его оно все-таки не удовлетворяло, и, окончив план, он всякий раз опять разрывал его на мелкие клочки.

-- Весь, небось, до макушки ушел в свою великую думу, -- говорили прохожие, глядя ему вслед. -- Где уж ему до нас, грешных!

А он, в искусство которого все так слепо верили, все более терзался сомнениями, терял уже веру в самого себя!

Так подошел данный ему владыкой годичный срок; оставалось до срока всего три дня.

На дворе с утра еще шумела непогода. Ветер завывал в печной трубе, хлопал ставнями окон. От этого воя и грохота наш зодчий не мог связать двух мыслей. Наконец он не выдержал, схватил с гвоздя шляпу и выбежал из дому. Но на улице он был на виду у всех, а он был бы рад убежать от самого себя. Так очутился он за городом, в лесу, в горах. Небо давно обложило тучами, от чего в лесной чаще было еще темнее. Вот и смерклось, а он забирался все глубже в

чашу, все дальше в горы.

Наконец наступила и ночь, черная, непроглядная. Куда же теперь?

Тут собиравшаяся весь день гроза внезапно разразилась. Сверкнула молния, загредел гром, и полил дождь как из ведра. Укрывшись под густолиственным дубом, зодчий стоял точно околдованный: при вспышках молний окружающие вековые деревья представлялись ему грозными великанами, махавшими своими мохнатыми руками, чтобы схватить его, дерзнувшего проникнуть в их таинственное царство.

Вдруг молния разрядилась над самой головой его с таким оглушительным треском, что его отбросило в сторону. От нестерпимого блеска он невольно зажмурился. Когда же раскрыл глаза, то увидел, что молния ударила в тот самый дуб, под которым перед тем стоял он, и весь ствол дерева пылает, как громадная лучина.

Тут, казалось, из самого пламени выступил какой-то человек в красном плаще и с красным пером на широкополой шляпе.

-- Славная погодка, чудесная погодка! -- заговорил он, подходя к зодчему слегка прихрамывая на одну ногу. -- Гулять тоже изволите?

-- Вам молнией, никак, повредило ногу? -- спросил зодчий.

-- Пустяки! -- отвечал незнакомец, усаживаясь под ближайшим деревом на старый пенек и запахивая ногу плащом. -- Не присядете ли вы тоже? Тут сухо. Присев на соседний пенек, зодчий внимательнее взгляделся в лицо незнакомца: из-под нависших полей шляпы светились точно два горящих угля, а на тонких губах змеилась загадочная усмешка.

-- Вы как будто расстроены? -- начал опять незнакомец. -- Уж не горе ли у вас какое? смею спросить.

Зодчий не сейчас ответил; но вырвавшийся у него невольный вздох был самым красноречивым ответом.

-- Всякое горе можно залить добрым питьем, -- продолжал незнакомец, доставая из-под плаща дорожную флягу. -- Отхлебните глоточек, -- как рукою снимет.

Принял зодчий от него флягу, отхлебнул, -- и словно огонь разлился по его жилам.

-- Ну, что, -- спросил незнакомец, -- каков напиток?

-- Напиток дивный, -- отвечал зодчий. -- На душе сразу стало легче...

-- Так что вы тотчас, пожалуй, начертали бы весь план?

-- Какой план?

-- Да нового собора. Неужели вы думаете, что я не узнал с первого взгляда знаменитого мастера, которому поручено сделать этот план? Но одному вам все же никогда с ним не справиться, поверьте моему слову.

"Да кто же мне поможет?" -- хотел было спросить зодчий. Но из насмешливых

глаз незнакомца посыпались такие зловещие искры, что он должен был потупить взор, и тут заметил снова прикрытую плащом хромую ногу незнакомца.

"Да ведь у нечистого, говорят, лошадиное копыто!" -- вспомнилось ему вдруг, и волосы на голове у него стали дыбом, зубы во рту защелкали.

Незнакомец рассмеялся.

-- Чего вы испугались? Ученому человеку пугаться, право, не пристало. Я кое-что смыслю также по вашей части.

-- Но мне остается до срока всего два дня, -- возразил зодчий, -- а составить такой сложный план -- план целого собора-- в два дня и думать нечего.

-- Как кому -- отвечал незнакомец, приподнимаясь и вынимая из-под плаща пергаментный сверток. -- Вот, например, не угодно ли посмотреть.

Зодчий также встал, чтобы ближе разглядеть развернутый незнакомцем свиток, да как взглянул, так в глазах у него зарябило: на пергаменте оказалось мастерски выполненным именно то, о чем он постоянно мечтал, но что самому ему ни за что не давалось.

-- Да ведь это мой собственный план! -- воскликнул он и хотел выхватить пергамент из рук незнакомца.

-- Не торопитесь, любезнейший, -- сказал незнакомец. -- Пока он мой; но я не прочь уступить его вам, если вы подпишете небольшой договор... Но вас опять, я вижу, трясет лихорадка! Выпейте-ка еще для храбрости.

Зодчий сделал еще глоток из фляги незнакомца, и от волшебного зелья его бросило из озноба в жар и храбрости в груди, в самом деле, прибавилось.

-- О чем договор ваш? -- спросил он.

-- Да вот прочитайте сами!

-- Чтобы я продал свою душу? Ни за что!

-- Ну, так распроститесь и с планом. Таких договоров у меня несчетное число; одним больше или меньше -- для меня мало значит. Для вас же впереди или почет, или позор.

-- Да ведь у нас нет ни пера, ни чернил... -- пробормотал зодчий.

-- Вот перо, -- сказал незнакомец, снимая большое красное перо с своей шляпы. -- А чернила -- ваши собственные.

Царапнув руку зодчего до крови длинным когтем своего указательного пальца, он окунул перо в свежую ранку.

-- Распишитесь внизу; кроме вашей подписи, ничего мне не требуется.

Зодчий расписался и, взамен расписки, принял сверток. В тот же миг над самой головой его грянул гром, как из тысячи орудий, а в землю перед ним ударила молния. Земля треснула, и из трещины взвился огненный столб с смрадным дымом и охватил незнакомца. Ослепленный пламенем и едким дымом, зодчий закрыл глаза рукой. Когда же он отнял руку, ни незнакомца,

ни пламени уже не было. Кругом стояла прежняя тьма крошечная, да в воздухе пахло серой.

После долгого плутания по густому лесу, зодчий, до смерти усталый, выбрался наконец под утро к берегу Рейна.

Укрывшийся здесь от ночной бури в заводи рыбак принял его в свою ладью и благополучно доставил в город. Когда зодчий доплелся до своего дома, то, не раздеваясь, повалился на постель и заснул тотчас, как убитый.

Проспал он так беспросыпно двое суток, да и тогда еще не проснулся бы сам, не растолкай его посланец архиепископа со словами:

-- Вставайте, ваша милость, вставайте: владыка зовет вас к себе.

-- Владыка? -- пробормотал зодчий с трудом собираясь с мыслями. -- Да разве уже срок?

-- Надо быть что так: -- "скажи, -- говорит, -- что я жду план собора".

Зодчий огляделся: на столе лежал столь памятный ему пергаментный свертос. Значит, все это был не сон, а правда!

Приведя в порядок свой наряд, он отправился к архиепископу с неразвернутым свертосом: у него не достало духу еще раз взглянуть на план; будь, что будет!

Высокопреосвященный, при виде свертоса в руке зодчего, принял его еще милостивее прежнего.

-- Ты, вижу, тверд в своем слове, -- молвил он. -- Но что с тобой, сын мой? Как ты бледен, как печален! Или сам ты недоволен своей работой?

-- Мастеру, владыка, трудно судить о своей работе, -- уклончиво отвечал зодчий.

-- Так дай посудить другим.

Зодчий развернул свой свертос. Владыка ахнул от изумления.

-- Ты -- великий мастер! Такого храма еще нигде не бывало, где поклоняются святому кресту. Ты себя обессмертил, сын мой, и мы увековечим твое имя на особой доске в самом храме. С завтрашнего же дня можешь приступить к его постройке.

Но самого его это не утешало; не утешал и успешный ход работ. Ведь чем скорее шли они, тем неизбежнее подходил и роковой час расплаты. Зодчий совсем упал духом и бродил вокруг своего создания рассеянный и хмурый, как осужденный к смерти. Наконец, чтобы облегчить свою совесть, он покался во всем своему духовнику.

-- Злосчастный! -- ужаснулся духовник. -- Твое прегрешение так вопиюще, что все мои молитвы тебе не помогут.

-- Но что же мне делать, что мне делать?! -- в отчаянии вскричал зодчий.

-- Если кто может еще вырвать тебя из когтей дьявольских, так некий старец-пустынник святого жития. Полвека уже спасается он в горах;

многократно изгонял он злых духов из грешников. Сходи к нему, попытайся.

-- Теперь, сын мой, вернись к своему делу, -- сказал ему тут пустынник. -- Веди и впредь такой же покаянный образ жизни. Быть может, тогда враг рода человеческого утратит свою власть над тобою.

-- Как только его не стало, из стены недостроенного храма исчезла и доска с его именем. Постройка же собора с тех пор шла крайне -- туго, прерываясь иногда на целые годы. Прошли столетия, а начатое с помощью нечистой силы величественное здание все еще не достроено...